

Чупрынина Елена Викторовна

ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИЯ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

В данной статье рассматриваются лингвокогнитологические особенности народных примет. В работе делается акцент на то, что понимание всегда сопряжено с некоторой тайной, которая представляет собой обязательный элемент ритуального действия. Первое место в списке действующих лиц народных примет теоретически занимает человек-труженик. Именно он парадоксально ускользает от наблюдения, выпадает из содержащегося в примете, прячется за святыми, растениями, животными, явлениями погоды.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 210-213. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Следует вывод – мысль и теоретические рассуждения автора в «Былом» имеют не атрибутивное, а именно *типологическое* значение, ибо для Герцена это уже элемент художественной структуры. Рассуждения автора, его идеологические экскурсы, имеющие историческую подоплеку, и художественные картины бытия – равноценные, «равнозначимые» пласты повествования. Таким образом, автобиографизм у Герцена приобретает явно *идеологическое и концептуально-историческое* звучание. Герцен раздвигает рамки художественного самопознания, открывая замечательные перспективы для соединения «литературы факта» и «литературы образа» (Л. Я. Гинзбург [3, с. 6]). В «Былом» *исповедальное начало* служит раскрытию «историко-социальной концепции бытия». А *идеологический пласт*, в свою очередь, выступает как способ поэтической реализации авторского «я».

Писатель-мыслитель создает новую, небывалую в русском искусстве модель художественного самопознания. Жанровое открытие создателя «Былого» заключается в том, что он «исповедальному рассказу о себе» придает невиданную прежде масштабность и социально-историческую значимость. Соединяя в рамках единой поэтической структуры два повествовательных начала – интимно-личностное и аналитическое, – Герцен утверждает право художника-автобиографа на обобщения самого широкого историко-теоретического свойства. Идеологизм, проникающий жизнеописание Герцена, открывает новую страницу в русской исповедальной прозе, определяя собой особый характер поэтических исканий писателя и самобытность его автобиографического мировидения.

Список литературы

1. Герцен А. И. Собр. соч.: в 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 8. 518 с.; Т. 9. 354 с.; Т. 10. 536 с.; Т. 11. 807 с.
2. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель; Ленингр. отд-ние, 1979. 222 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худ. лит.; Ленингр. отд-ние, 1977. 443 с.
4. Елизаветина Г. Г. «Былое и думы» А. И. Герцена. М.: Худ. лит., 1984. 156 с.
5. Интервью и беседы с Львом Толстым. М.: Современник, 1986. 525 с.
6. Романова Е. И. Концептуализация проблемы любви и брака в творчестве А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4. Ч. 2. С. 155-159.
7. Туниманов В. П. «Былое и думы» и русская автобиографическая проза // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 145-170.

ON PRINCIPLES OF AUTOBIOGRAPHISM IN “MY PAST AND THOUGHTS” BY A. I. GERTSEN

Tsirulev Aleksandr Fedorovich, Ph. D. in Philology
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
tsirulev.al@yandex.ru

The character of autobiographism in “My Past and Thoughts” by A. I. Gertsen is analyzed. The author of the article determines the principles of Gertsen’s artistic interpretation of his own biography in comparison with the method of L. Tolstoi and S. T. Aksakov. The conception of “historical-social autobiographism” by Gertsen, which is based on writer’s reconstruction of “historical and social coordinates” of his own “I”, is presented to readers’ attention.

Key words and phrases: autobiographism; genre; historical-social conception; enlightenment; ideologism; apology of mind; documentary truth.

УДК 8

Филологические науки

В данной статье рассматриваются лингвокогнитологические особенности народных примет. В работе делается акцент на то, что понимание всегда сопряжено с некоторой тайной, которая представляет собой обязательный элемент ритуального действия. Первое место в списке действующих лиц народных примет теоретически занимает человек-труженик. Именно он парадоксально ускользает от наблюдения, выходит из содержащегося в примете, прячется за святыми, растениями, животными, явлениями погоды.

Ключевые слова и фразы: народная примета; поговорка; микрожанр; персонификация; концептосфера; лексические средства; языковые формы.

Чупрынина Елена Викторовна

Лицей № 9 им. заслуженного учителя школы РФ А. Н. Неверова Дзержинского района г. Волгограда
Lchevka86@mail.ru

ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИЯ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ®

Язык как одна из форм существования бытия – явление многоликое, многовекторное, изучаемое во всех аспектах своего функционирования. Как элемент бытия язык, с одной стороны, созидает, создаёт, упорядочивает

жизнь и процессы жизнедеятельности, с другой стороны, описывает, фиксирует картины бытия. Язык, таким образом, непосредственно репрезентирует картину мира, описывает её, позволяет создавать условия для взаимодействия и взаимопроникновения её элементов [1, с. 24].

Понимание становится основой существования человеческого сознания. Многомерность пространства понимания обусловлена гетерогенностью содержаний, стягиваемых в акте понимания в одно целое. Создается пространство содержаний выходом в рефлексивность: в понимании человек смотрит на себя, смотрящего на мир, а мир есть отражение его самого [2, с. 142].

Понимание всегда сопряжено с некоторой тайной.

Народная примета как языковой отпечаток состоявшегося мыслительного процесса требует особой рефлексии. Рефлексией стали называть поисковые моменты мышления [4, с. 5].

Герменевтика как процедура проникновения в таинственный, «закрытый» текст в жанре примет поддерживается ритуальными приметами-оберегами. Т. И. Гаврилова, исследователь терминологии похоронно-погребального обряда, называет предметы-обереги, «предохраняющие человека и домашний скот от нечистой силы и «заложных» покойников: свеча, вода, крест, зеркало, мусор, веник, горшок, кувшин, соль, хлеб, нож, ложка» [3, с. 12].

Интересно, что абсолютное большинство перечисленных предметов «задействовано» в бытовых приметах, не связанных с обрядом похорон, то есть образующих единую концептосферу народной приметы. Однако сначала охарактеризуем антипод концептосферы – персоносферу приметы.

Концептосфера народной приметы противостоит персоносфере. Рассмотрим особенности персоносферы народной приметы. Здесь можно выделить действующие лица двух типов. Для бытовых примет это «*черт*», «*леший*». Иногда эти герои встречаются и в календарно-погодных приметах, например: *Дождь идет из-под солнца – ведьма плачет. Когда идет дождь и солнце светит, дьявол влюбляется.*

Более обширную группу составляют «герои церковного календаря». Показательно их равенство, что, может быть, есть не что иное, как принцип уважения к каждому дню, задачам каждого дня.

Благодаря календарным приметам (с их выразительно-изобразительными «посвящениями» каждому святому) в национальном словаре личных имен сохранялись, с одной стороны, достаточное разнообразие этих имен, а с другой стороны, положительная коннотация имени (вопреки, например, именам в составе пословиц, часто с негативной характеристикой: *Мели, Емеля, твоя неделя и т.п.*) [8, с. 59].

Первое место в списке действующих лиц народных примет теоретически должен занимать человек-труженик, но именно он парадоксально ускользает от наблюдения, выпадает из содержащегося в примете нарратива, «прячется» за святыми, растениями, животными, явлениями погоды: *Феофан накинул на солнце кафтан. Анкудин разжигает овин, а Пегасий солнце гасит. Федот лед на лед ведет, ручьи и реки стоять заставляет.*

Для календарных примет имена святых более чем характерны.

Ф. С. Капица в справочнике «Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы» очень активно использует имена святых. Из всего именника вошло в последний раздел лишь несколько «образов»: *Андрей, Борис и Глеб, Власий, Георгий Победоносец, Илья Пророк, Козьма и Демьян, Михаил Архангел, Николай Угодник, Параскева Пятница, Петр и Павел* [5, с. 154]. О чем это говорит? По-видимому, о том, что Феофан, накинувший на солнце кафтан, Анкудин, разжигающий овин, и иже с ними образуют персоносферу календарных примет, более дробную, объемную, нежели персоносфера фольклора или «народного православия».

Именное годоисчисление, как правило, не дотягивало до полнокровных сюжетных образов. Что мы знаем о святых Власии и Прохоре? Образы эти держали фенологические знания: *До Прохора старуха охала: Ой, стужно! Пришел Прохор и Влас: никак скоро весна у нас? В яркой фенологической и земледельческой (сельскохозяйственной) привязке и состоит специфика персоносферы календарных примет [7, с. 98].*

Подают сигналы к действию не только святые: *Если на Казанскую поспевают черника – поспевают и рожь* (вместо: крестьянин может начинать уборку ржи). *Если 1 марта пригреет, напьется воробей, то будет ранняя весна* (крестьянин должен именно этот факт учесть, дабы не опоздать с севом, однако в примете все это в подтексте).

Таких примет большинство. Святые, звери, домашние животные, растения, звезды, солнце, луна, ветер, облака – все подают сигналы, успевай считывать и корректировать трудовые усилия. Гораздо реже в приметах прямые указания человеку-труженику: *Не жди Покрова – капусту секи.*

Героями, действующими лицами примет становятся:

- в календарных приметах – святые;
- в погодных приметах – погодные явления, небесные тела, растения, животные;
- в обрядовых приметах – «инструментарий» самого ритуала: предметы-обереги, избранные предметы домашнего быта;
- в бытовых приметах – предметы домашнего быта, части человеческого тела, животные.

Показательно обширное задействование всего именника и сравнительно редкое обращение к «нечистой силе». Упоминаний о ней в общем корпусе народных примет значительно меньше ожидаемого числа упоминаний: *Коли леший зайцев нагонит, то мышей угонит. Когда нетух к ночи поет не по времени, то видит некошного и гонит его. С Ерофея зима шубу наदेкает. Леший с летом прощается. Возможны бураны и метели. Около огня нельзя свистеть – соберутся черти. Нельзя стряхивать воду с мокрых рук – черти плодятся: сколько брызг упадет – столько чертей. Если вечером будешь выносить мусор – попадешь под власть черта. Чеснок, висящий в изголовье, лечит головную боль и гонит чертей. Если по торной дороге*

подымается столбовой вихрь – это чертова свадьба (ведьма с сатаной венчается). Бросишь в вихрь нож – он будет в крови. Веника, связанного из полыни, черти боятся.

Перейдем к анализу концептосферы народной приметы.

Сначала выделим тематические блоки, кластеры примет: календарные, погодные, обрядовые, бытовые. Внутри каждого кластера классифицировать сами приметы можно по концептам, образующим в приметах то, что лучше, на наш взгляд, называть криптоклассами.

Еремей, зимний Никола, летний Никола, Спиридон и т.д. – криптоклассы календарных примет объединяются не в виде концептосферы, а виде персоносферы. Названия приметоносителей – *Солнце, небо, сорока, калина и т.п.* – объединяют криптоклассы погодных примет. *Рука, ресница, нос и т.п.* – организуют криптоклассы приметоносителей-соматизмов (названий частей тела). *Нож, соль, зеркало, венник* – криптоклассы, входящие в кластер бытовых примет. Крипто – подчеркивает зашифрованность, заведомую тайну предикации будущего [10, с. 41].

Далее в статье будем использовать термин «криптокласс», который был разработан и применен А. А. Кретовым при анализе лингвистики представления четырех стихий: земли, воздуха, воды и огня. Под криптоклассом А. А. Кретов понимает скрытые языковые категории, так же, как и явные, обусловленные «наивной» систематизацией вербализованного человеческого опыта [6, с. 55].

Криптокласс примет внутри того или иного кластера – это объединение примет вокруг приметоносителя, название которого тематически организует микросистему примет, важная черта которой – зашифрованность (закрытость) прогнозных проекций.

В ряде случаев название криптокласса становится вынужденно двойственным: *луна/месяц, курица/петух.*

Некоторая принципиально неустранимая неизбежная загадочность обращения к предмету как носителю прогнозного знания делает термин «криптокласс» при описании примет гораздо предпочтительнее ставшего уже традиционным термина «концепт».

Выделение и описание криптоклассов и отраженных в них концептов в весьма определенной языковой форме – это второй уровень анализа народных примет (после тематического их деления).

Внутри криптоклассов и, соответственно, концептов просматриваются горизонтальные связи по профильному признаку.

В криптоклассе знаковых частей тела таким признаком является *правый – левый: Начинать утро с правой ноги (вставать с постели, надевать обувь) – к удаче на весь день.* Для погодных примет этот признак нерелевантен: *Кукушка кукнула в левое ухо...* Релевантным для погодных примет является признак *высоко – низко.*

Для бытовых примет профильным признаком является признак *свой – чужой: Взял у кого-то ведро, сумку, корзину, банку, тарелку – не возвращай пустыми; что-то положишь – больше у тебя будет.*

Помимо релевантных и альтернативных признаков описание криптоклассов может сопровождаться анализом знаковых состояний и действий. Для примет-соматизмов – *чесаться: Чешется правая рука – с кем-то здороваться, левая – к деньгам. Чешется локоть – спать на новом месте.* Для бытовых примет – *разбить, упасть, уронить, просыпать: Разбить зеркало – к разлуке* [9, с. 53].

Перейдем последовательно к характеристике каждого криптокласса с опорой на количественные показатели частотности использования тех или иных реалий в приметопорождающей функции [8, с. 122].

При лингвокогнитивном подходе к приметам, при исследовании их концептосферы возникла необходимость в кластерном анализе криптоклассов. Чтобы комплексно представить и исследовать лексику того или иного криптокласса, нужно ее систематизировать.

С этой целью имеет место быть использование разработанной лингвофольклористами схемы словарной статьи, вбирающей все словоупотребления фольклорного слова четкими количественными выкладками. В связи с этим хочется сказать:

- во-первых, возникла необходимость внести структурный параметр, то есть при наложении лексики, вербализующей соответствующий концепт, была использована трехчастная структура самой приметы: *событие – прогноз – страховка* на случай плохого прогноза. Состав лексики в этих частях принципиально различен, что нашло свое отражение на примерах вербализации базовых концептов микрожанра народной приметы;

- во-вторых, в силу того, что примета «любит» отрицание, что было отмечено ранее, при освещении грамматических параметров жанра, приходилось отдельно фиксировать словоупотребления с отрицательной частицей *не*;

- в-третьих, частеречный расклад накладывался на «семантический синтаксис», в частности была выделена группа детерминантов. Атрибутивные группы конкурировали с классом имен прилагательных. Подчас сама примета сопротивлялась чисто частеречному распределению ее компонентов;

- в-четвертых, более выразительными являются глагольные словоформы [2, с. 77].

Таким образом, при соблюдении требования полноты охвата лексики примет нередко мы отступали от принципа логики и чистоты рубрикации, приближая списки не к требованиям словаря, а к живой жизни самого жанра. По существу, получилась новая модель исследования, по которой можно делать в каждом конкретном случае ряд определенных выводов о своеобразии того или иного криптокласса. Назовем такую модель описания лексики примет или моделью криптокласса.

Список литературы

1. Андреева О. Н. Онтологические и семантические составляющие культурно-языковой картины мира восточных славян (на примере обрядовых комплексов с сакрально-семантическим компонентом «вода») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 1. С. 23-26.
2. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. М., 1963. 200 с.
3. Гаврилова Т. И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом освещении (на материале Курского региона): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997. 17 с.
4. Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. М., 1995. 432 с.
5. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. М.: Флинта; Наука, 2000. 216 с.
6. Кретов А. А., Борискина О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 211 с.
7. Терещенко А. В. Быт русского народа. М.: Русская книга, 1997. 288 с.
8. Тихонов А. Н. Пословицы, поговорки и другие изречения русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.
9. Харченко В. К. Народные приметы в русской национальной культуре // Русский язык и литература в киргизской школе. 1991. № 1. С. 52-55.
10. Харченко В. К. Экологическая функция народных примет // Экология в теории и практике: материалы межвуз. научно-практ. конф. Белгород, 1993. Ч. II.

LINGUO-COGNITIVE SCIENCE OF FOLK SIGNS

Chuprynikina Elena Viktorovna

*Lyceum № 9 named after Honored Teacher of School of the Russian Federation A. N. Neverov, Dzerzhinskii district, Volgograd
Lchevka86@mail.ru*

The article considers the linguo-cognitological features of folk signs. The paper pays attention to the fact that understanding is always associated with certain mystery, which is a required element of ritual action. A man-worker theoretically occupies the top place in the list of folk signs actors. It is the man-worker who paradoxically escapes from observation, falls out of the content of signs, conceals behind the saints, plants, animals, and weather phenomena.

Key words and phrases: folk sign; paroemia; micro-genre; personosphere; conceptual sphere; lexical means; language forms.

УДК 811.512.31

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «многозначность слов». Многозначность слова, по мнению автора, детерминирована необходимостью наличными средствами языка обозначать новые явления, возникающие в окружающей человека действительности. Смысловая структура слова представляет иерархию значений, некую систему соподчинения. В разных языках словосочетания слов со словами с прямым значением в большинстве случаев дословно совпадают, а с переносным – не совпадают. Основное внимание автор акцентирует на анализе лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в бурятском и русском языках.

Ключевые слова и фразы: полисемия; бурятский язык; лексико-семантический вариант; внутренняя форма слова; первичное и вторичное значения.

Шагдарова Аюна Баировна

*Бурятский государственный университет
aina_@mail.ru*

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВ НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ[©]

Словам любого естественного языка присуща многозначность (полисемия). Нет такого языка, в котором каждому словесному знаку соответствовало бы только одно значение.

Многозначность – это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате развития первоначального значения этого слова. Это средство разрешения противоречий между ограниченными ресурсами языка и беспредельной конкретностью бытия.

Многие слова в русском, бурятском, английском, китайском и других языках имеют два-три значения, некоторые – значительно больше. Например, для глагола *идти* в «Толковом словаре русского языка» [8], изданном под редакцией академика РАН Н. Ю. Шведовой, зафиксировано 27 значений, в БРС-08 в соответствующем слове *ябаха* *ходить, ездить; идти, ехать* – 5 значений [1, с. 696], в толковом словаре английского языка «Macmillan English Dictionary» *go* *идти, ехать, двигаться* – 22 значения [10], в «Большом китайско-русском словаре» слово *去* *уйти, идти, ходить* – 11 значений [11, с. 738].

По способу номинации значения слова подразделяются на прямые и переносные. Прямые значения традиционно считаются первичными, основными, главными, а остальные значения – вторичными, частными,